

12+

Ирина КОСТЕВИЧ

Мне 14 уже два года

Ирина Костевич

Мне 14 уже два года

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51385613

SelfPub; 2020

Аннотация

Разборки в классе – дело привычное. Не проходит и недели, чтобы главная героиня повести Доремира не оказалась "вне закона". У неё какие-то тёмные делишки с полицией, эта девушка вполне способна ограбить даже родную бабушку. С Мирой не разговаривают, брезгают садиться рядом. Но несчастья оборачиваются другой стороной. Резко повзрослев, Мира осознаёт: у неё есть силы доказать одноклассникам, что она вовсе не такая, как о ней думают. В 2012 году повесть стала призёром Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и подростков "Книгуру". В 2018 году в рамках проекта "Библиотека современной русской литературы" повесть издана на китайском языке.

Глава 1. Двадцатое августа

Мне 14 уже два года. Ну, тупо же «ВКонтакте» признаться, что тебе 13 и ты малолетка. А 14 – это уже кое-что. Но теперь и это неважно.

Моя жизнь разрушена, Я В ПАНИКЕ! То есть взаправду, а не так, чтоб пожалели в Инете. У меня действительно все очень, очень плохо.

Мой дом – его больше нет! Снесли неделю назад. Пока родители по контракту в Астане, я временно у бабушки. А потом мы с мамой и папой переедем в какое-то захолустье на 10-й этаж (который, кстати, еще не достроили)! А мои летние каникулы... это не каникулы, это – отстой. Нет, даже хуже.

А ведь еще совсем недавно мы с Динкой, как две дуры, носились по нашей Абрикосовой, а за нами гонялась Масыня. Теперь она подскуливает в лад моим мыслям, а перед глазами так и стоит эта мерзкая лысина с обломками моего дома. И любимая яблоня с изломанными бульдозером ветками. Я и сама готова заскулить – нет теперь ни улицы, вообще НИЧЕГО. А квартал можно увидеть, только зайдя в программу «Google Планета Земля». Там съемки со спутника ещё в мае

делали.

Все осталось в прошлом. Даже прежняя школа.

Не сказать, чтобы в школе было супер, и мальчики у нас какие-то уж слишком свои, как родственники, к тому же слегка придурковатые, но все такое знакомое, привычное. Мальчики... Как любит говорить Дина, «и замутить не с кем». Помню, мы всегда ждали прихода новичков, мечтали, что придет такой особенный. А приходили какие-то, ну... так себе.

А теперь мне самой предстоит стать новенькой. Или, если посмотреть на дело иначе, то я, сама себе «старенькая», окажусь в целом классе сплоченных «новичков». А когда они увидят, что я... Даже думать об этом страшно!

Тут еще Диниха моя укатила на Иссык-Куль, у бабушки же Интернета нет ни в доме, ни поблизости. А вместо кабельного у нее по телеку какие-то левые каналы...

Зато чего у бабуси много, так это «полезных лекарств от жизни», как шутит мой папа. Бабушка уже год ходит в клуб «Здоровая жизнь» и совсем помешалась на болезнях и паразитах. Манты она теперь не делает, а всё пичкает меня какими-то солеными витамининами. И вместо «солнышка», как

раньше, в порыве чувств называет ...б-р-р-р, даже говорить противно! Называет «больнушечкой»!!! Причем, и на улице может зычно так обласкать: «Больнушечка ты моя!» И стоишь, обтекаешь. А те, кто услышал, начинают выискивать, что у тебя не так.

А у меня вообще-то внешне все так. Динка, хоть и подруга, время от времени восклицает «везет же некоторым!» с таким гневным пафосом, что я чувствую свою вину. Вот кто-то мечтает о том, чтобы быть красивой, а мне от этого никакой радости. Особенно когда тебя начинают ненавидеть из зависти. Даже не разобравшись, какой ты человек.

У меня так случилось раз в лагере. Там девочка была... меня выбрали почётной жительницей лагеря, а она втихомолку в сумку с моими вещами клей вылила. Хорошо, жога-тые вмешались, а то б не знаю, до чего дошло.

А по-моему, не с чего переживать, ведь большинство людей красивые, особенно у нас в городе. Сколько раз это слышала: смешение кровей.

Зато как можно спокойно относиться к тому, что тебя считают дураком или тупицей?!!

Моя страшная тайна: я очень боюсь показаться глупой.

Все думают: если красивая, значит, тупая, как пробка. Блондинка... У меня блестящие темно-каштановые волосы, но, когда мальчишкам приспичило дразнить меня, то я стала для них «Тупая БЛОНДИНКО». Балбесы. Я не виновата, что теряюсь до слез, когда выхожу к доске, а учительница думает, что я не выучила. И тогда почему-то действительно забываю все, и не могу разговаривать, а стою, как идиотка, и становлюсь вся красная, мысли путаются, к тому же еще потею, мало того – пыхтю, то есть – пыхчу!!! Это ужасно.

По-моему, куда ужаснее, чем Динкины круглые щеки, которые она мечтает как-то там отрезать, когда вырастет и заработает кучу денег. Даже рассказывает, что уже клинику нашла... Ей проще.

Да и дом ее не попал под снос, и ходить она будет все в ту же добрую старую школу. А вот я... Учеба начнется через две недели, и с каждым днем мне все хуже.

Глава 2. Первое сентября

«Кнопка взрыва школы» – первое, что я заметила при входе в школу. Черная и вопиюще наглая на свежепокрашенном боку учебного корпуса, она привлекала все взгляды. Рядом суетился лысый мужичок, отдавая распоряжения стар-

шекласникам. Кажется, они решали: то ли закрасить безобразие, то ли прикрыть на время газетами...

Цветы на линейку я покупать не стала. Не дарю их с тех пор, как услышала про «дебильные веники, которые ставить некуда» от одной учительницы в автобусе. Она, конечно, не мне это говорила, но уши-то у меня есть.

У нас перед домом всегда много цветов, но они живые. То есть, я хотела сказать, всегда БЫЛО много цветов... Вот живые мне нравятся. А срезанные и проданные – нет. Чтобы цветы оставались живыми, их надо рисовать. Поэтому, если классная нормальная будет, я ей лучше нарисованные подарю. Мне особенно батики в холодной технике удаются – в изостудии хвалили. Хотя и она теперь накрылась – из-за этой дурацкой новой квартиры и дурацкой новой школы на другом конце города. Так что я теперь дикий художник – сама по себе.

Кабинет нашего класса оказался на втором этаже. Оказывается, когда попадаешь в незнакомую толпу, даже лиц не различить – так, туман какой-то. Иногда сквозь него пробиваются любознательные взгляды. Но в основном все притворяются, что ничего такого. И вообще – а меня видно? Я потихоньку скосила глаза на ноги – ага, видно. Вот я – коленки, гольфы, туфли. К сожалению, туфли у меня так себе, второй

год ношу.

– Мадам, вы к нам, или, может, дверью ошиблись? – пацан, похожий на воробья в очках, изогнулся в поклоне.

– Привет. Это же 7 «б»?

– О да, это он, моя несравненная пери!

Внезапно одноклассник брякнулся на колени и протянул ко мне руки. Я отшатнулась. Остальные заржали – игра понравилась. Кто-то поднял мобильник, чтобы сфотографировать сцену.

– Ух ты, Арсен, это что у тебя?

Все кинулись разглядывать крутой сотовый – даже не поняла, кого тут называли Арсеном, такая куча-мала. Я села за пустую парту сзади – ну будто специально для меня её никто не занял.

Бывает, одна дурацкая мысль прицепится и никак ее не выгнать. Мысль в этот раз была такой: «Этой – ни за что, ни за какие деньги, ни-ког-да!» Если открутить немного назад, залезла она в голову вот почему.

Нашей классной оказалась вертлявая дамочка в поулпрозрачной блузке и с огромным разрезом на юбке. Театрально окунув лицо в наваленные на стол букеты, она призывно обвела класс взглядом и выдохнула:

– Милые мои... Как же я соскучилась!

После пламенного приветствия настала моя очередь.

– И еще одна радостная новость! У нас новенькая. Ее зовут, зовут... Классная долго рылась в бумажках, и, наконец, найдя нужную, выпалила:

– Дуремара Пияз!*

Одноклассники грохнули. Классная вопросительно смотрела на меня. Когда все отсмеялись, я встала и поправила:

– Доремира. Доремира Нияз. Можно просто – Мира. Там, наверное, опять неправильно написали.

– Извини, моя девочка, – смутилась классная. А можно узнать, почему у тебя такое имя?

– Моя мама – украинка, папа – казах. Родственники долго

спорили над именем, а потом, – я пожала плечами и улыбнулась, – решили придумать свое. В честь бабушки-композитора. (То, что «на мою голову», я давно не добавляю даже мысленно – привыкла, и мое имя мне действительно нравится. А каждый реагирует в меру своей испорченности.)

– Да-да-да, чудесно, – затараторила учительница. Чудесное имя. Бывают и более странные имена. А фамилии, фамилии! Так, например, со мной в университете училась Майра Телекабель. Казалось бы – откуда в степи телекабель? Между тем, оказывается, при переписи населения переврали имя ее деда, его звали Глеукабыл, и получилась такая ерунда... Тут классная осеклась и посмотрела на меня. В тишине кто-то отчетливо прошептал:

– Дуремара Телекабель... Жесть...

– Но, надеюсь, ты будешь хорошо учиться, – чтобы как-то замять, свернула с темы классная.

Урок пошел своим чередом, а я сидела и думала про батик с цветами: ««Этой – ни за что, ни за какие деньги, никогда!»»

На перемене подошли девочки. Мы познакомились, и они

сказали, что классная у них дура, и дура она классная, то есть высшей пробы, и ничего уж тут не поделаешь. Булатик про нее стихи сочинил, она узнала, так школьное собрание устраивали, такой шум был!

– А что за стихи?

Подозвали «Воробья в очках». Булатик, предварительно оглянувшись, выдал рэп с подвыванием:

«Дети! Я вас

Всех! Люблю!

Мне сдавайте

По рублю....» – тут он лихо крутанулся на пятках.

– А почему по «рублю?»

– Ну, «тенге» был бы не в рифму. Но можно придумать!

– Хватит, напридумывался! – одернула его очень крепкая и смуглая девочка по имени Фариды. – И вообще: иди уже отсюда, выступил – и иди, а то опять пацанам все расскажешь, трепло малолитражное.

Булатик изобразил Фариде кое-что на пальцах и упорхнул, не дожидаясь пинка.

Потом меня спрашивали, где я живу, кем работают и сколько зарабатывают мои родители, есть ли у меня родные братья, братишки, сестры и сестренки и что мне больше нравится: Linkin Park или Tokio Hotel, была ли я в Турции и в «Связисте»**, ну и, конечно – хочу ли я стать моделью и есть ли у меня парень...

После уроков Фарида сказала:

– Знаешь, у нас тут свои дела. Ты, если что, готовься. Я на всякий случай, конечно... Но сегодня не было Светки.

* пияз – в переводе с казахского – лук

** «Связист» – популярный подростковый лагерь в окрестностях Алматы

Глава 3. Второе сентября

«Э-эх, дороги, пыль да ту-уман!» – обожаю, когда папа

поет. Его голос густой и бархатный, как вечернее небо.

Никак не соберусь записать папины песни. Вроде, чего проще? Ну, да, «чего проще», если папа с мамой в Астане, а ты за тысячу километров от них трясешься в автобусе, увораживаясь от дурацкой петли на поручне, которая, вроде, висит для удобства пассажиров, а на деле так и норовит долбануть тебя по башке. Уже час с лишним еду, а в прежнюю школу пешком ходила – за пять минут! Ещё и постоянно опаздывала, потому что не торопилась. Эх, не ценила я своего счастья!

Родители долго думали, ехать им, или нет. Но потом все-таки решились: зарплату предложили в Астане хорошую, а три месяца в разлуке со мной – это не так и много, можно потерпеть. Зато потом красиво обставим новую квартиру и все-все там у нас будет, чего только захотим. Но без родителей оказалось жить не так уж весело. Конечно, никаких тупых нотаций типа: «Учись, жизнь жесткая, потом будешь обижаться, что мы тебя не заставляли! и т.п.», но ведь и приласкаться не к кому.

Однажды мы с Динкой обсуждали, почему у всех такие скучные, жутко правильные и неинтересные родители. Нет, они, конечно, замечательные, и любимые, но какие-то... как роботы, что ли. «Ты поела?» – «Поела» – «Оделась тепло?» – «Тепло» – «Мы уходим, никому не отпирай, спра-

шивай «Кто?» – «Да, папа.» – «А ты воду-свет-газ проверила?» – «Да, мама.» ЗОМБИ-КОНТАКТ.

И, насколько я понимаю, вся их жизнь в том и состоит, что они родились, ходили в садик и съедали там всю кашу, и не боялись Деда Мороза, пусть даже он был толстый, грудастый и с голосом поварихи. Потом они хорошо учились в школе, не прогуливали физкультуру, собирали макулатуру и металлолом, а потом поступили в институт, и там тоже хорошо учились, а потом встретились, поженились, пережили бандитскую перестройку. Прошли годы, и потом у них наконец родилась долгожданная и единственная я. Какая скука. А где чувства, страхи, сомнения, провалы?

Тупое животное существование, уж простите, мамочка с папочкой.

А Динка мне тогда так сказала: «Они все скрывают. Самые таинственные люди на свете – это наши собственные родители. У них много чего было – только рассказывать это нам непедагогично. Я вот, – говорит Динка, – чтобы узнать, кто такая моя мама, подслушиваю ее разговоры с подругами. Конечно, я и так ее знаю, но вот какой она была ра-а-аньше – ни за что она мне не расскажет. А она, оказывается, первый раз поцеловалась в пятнадцать лет, а еще ее из университета отчислили за что-то – а мне она говорит, будто все в поряд-

ке, и она закончила...»

Ну, может, это Динкина мама такая. Вообще она мне кажется не слишком скучной. А вот моя мама кристально, прозрачно, исключительно обыкновенная. Как можно так жить? Я бы не хотела.

Ну, вот, и теперь я с бабушкой.

Бабушка обо мне заботится, и мы с ней разговариваем. Бабушка очень много знает всего. Чего не спросишь – выдает не хуже Википедии. Будто у нее в голове огромная библиотека. Но представьте себе – можно ли приласкаться к библиотеке? Нельзя, потому что там наверняка есть нудная книжка, где сказано: «Бабушки! Не позволяйте своим внучкам лезть к вам с «обнималками-целовалками», потому что тогда внучки...» Даже не знаю, что тогда... Может, «сядут вам на голову»? Или «перенесут на вас свои микробы»? В общем, к моей бабушке не поластишься – она этого не одобряет.

А маму с папой я увижу только на осенних каникулах.

Достала эта дорога! Когда вырасту, не буду ездить в автобусах. Я хочу стать художницей. Тогда можно не торопиться на работу, не отчитываться ни перед кем. Художники де-

лают, что захотят. Про них говорят: «Творческую личность надо оберегать!»

Еще я люблю представлять, как стану мамой. У меня будет такая маленькая прикольная дочка, и я ей стану разрешать все то, что родители запрещают мне. А еще мечтаю о том, каким будет мой парень. Представляю наше первое свидание и даже первый поцелуй. Но это пока мой секрет!!!

Занятия начались с английского. Посмотрела на свою группу: эта половина класса вроде нормальная, мальчишки при девочках не матерятся. а в учебнике новом – легкотня. Мы пели песни, и всем англичанка поставила «пятерки». Сказала – в честь нового учебного года.

А вот перед историей, когда класс воссоединился, меня встретило дикое ржание. Уже не один, а несколько пацанов метнулись под ноги, изображая рабов. При этом они орали дикими, как у котов, голосами:

– Фотосессия! Перезагрузка! Арсен, все для тебя!

– Придурки! – высокий парень с косо подстриженной черной челкой рассмеялся.

Я ничего не поняла, а спросить постеснялась.

Перескочившая прямо на уроке за мою парту Фарида стала шептать в ухо так горячо, что я половину не понимала и все время переспрашивала, но все равно долетали только обрывки:

– ... а наша «англичанка» говорит: «Отдай немедленно, ты бы еще саму эту подругу с собой привел...» – (далее неразборчиво) – Арсен отвечает ... (опять неразборчиво) «... и вообще – это не подруга, отдайте, Вы не имеете ...».

– Что он, не расслышала?

– Блин, да стал требовать твою фотографию назад, вот что! – потеряв терпение, проорала Фарида на весь класс. Кто-то из учеников опять засмеялся. Арсен показал Фариде кулак и... И улыбнулся мне. А улыбка у него оказалась такая – будто гирлянду включили. Я почему-то сразу про Новый год вспомнила. Арсен – он не только ртом, он еще глазами улыбнулся. И от этого стало тепло-тепло.

– А... А откуда у него моя фотография?

Ответа я не услышала. До того мирно объяснявшая что-то историчка вдруг так быстро подскочила к нам, что Фарида

даже пискнуть не успела. Но досталось не ей. Историчка за рукав потащила меня через весь класс!

– А теперь, голубушка, поболтай-ка у доски!

Я молчала. Если честно, просто испугалась.

– Давай-давай, столько красноречия было, где оно? Поделись с классом!

Я молчала.

– Ну, хорошо. Может, повторишь, о чем я сейчас рассказывала?

Ответить было нечего, и я опять честно промолчала.

– Ты что, глухонемая?! Или не в себе, может? Хоть как тебя зовут, скажи!

Я чувствовала, что происходит самое страшное – язык отказывался служить, и все вокруг становится, как в тумане. От исторички исходила злая энергия, парализовавшая меня. Будто передо мною стоял робот-завоеватель. Лоб начал пылать, и я, казалось, потеряла способность разговаривать вообще.

Тут в наступившей тишине раздался чей-то ироничный голосок, который я раньше не слышала:

– А это, Софья Сергеевна, наша новенькая. Дуремара она.

Класс загудел, но училка схватила указку, страшно грохнув ею по столу:

– Тихо!

И, обращаясь ко мне, как к пустому месту, бросила:

– А с тобой мне уже все ясно, красотка. Портновская культура... Садись.

Фарида под шумок смылась на свое место. Вот и случилось именно то, чего я боялась. Какой позор! И все видели – я стою и ничего не могу сказать. Как последняя курица. К тому же красная. Правда, блондинкой не назвали, но то, что я услышала, еще хуже. Дуремара... Теперь будут дразнить этой Дуремарой вечно! Зачем меня перевели в эту школу, доучилась бы в старой! Сегодня же позвоню маме, попрошу уговорить отца. Не буду я здесь учиться!

Я постаралась сделать так, чтобы историчке не было меня

видно, и изо всех сил боролась со слезами. Еще не хватало разреветься перед всеми! Глотая слезы и еле высидев урок, схватила сумку и ринулась к выходу. Тайм-аут необходим – хоть немного прийти в себя после такого позора.

Ноги несли подальше от школы, но возвращаться к бабушке рано. Эту часть города я знаю совсем плохо. Вот и посмотрю, что здесь есть. Только бы не заблудиться! Забрела в парк, села на скамейку. Устав переживать, стала думать про всякую ерунду. Тоже мне, осень! На улице жара, листья зеленые все, вон очередь за мороженым, малышня на площадке резвится. Все такие яркие, как конфетки. Папа как-то говорил, что в нашем городе машин в два раза больше, чем детей. От нечего делать я стала представлять рядом с каждым малышом по два автомобильчика. Машины получались тоже веселые и разноцветные.

– А почему мы такие грустные? – запахло табаком и рядом плюхнулся какой-то тип с чёрными усиками.

Я чуть не подпрыгнула. Опять! Ненавижу! Ко мне уже четыре раза приставали, и дважды – именно с этим идиотским вопросом. Вот зачем вообще пристают? Нормально знакомиться, что ли, нельзя? Все настроение испортил!

Я молча встала и, не глядя на типа, быстро пошла прочь.

– Ой-ой, какие мы гордые, – крикнул он вдогонку, но догонять, слава богу, не стал.

Гулять расхотелось. А еще я боялась, что этот мужик из парка окажется маньяком и начнет следить за мной. У меня просто паника началась. Поэтому компьютерный клуб попался по дороге так вовремя!

Клуб назывался «Соб@чка». Наконец-то спокойно посижу в Инете. Маму я решила обработать насчет школы по телефону – чтобы слышала мой несчастный, полный страдания голос. В письме этого не сделаешь. А сейчас неплохо бы найти Арсена «В контакте». Только я пока даже фамилии не знаю... А вдруг и он будет считать меня тупицей?! Впрочем, как и весь класс... Интересно, зачем ему моя фотка, и откуда он ее взял? А, это же он фотографировал вчера на мобилу, когда Булатик кривлялся. И что же произошло на английском в их группе, что мои одноклассники так смеялись, когда я вошла? «Портновская культура...» Хм, надо в поисковике набрать.

Посетителей оказалось мало, наконец-то можно расслабиться, и никто не будет... Тут я хотела добавить «...до тебя докапываться...» Но не успела.

Глава 4. Всё ещё второе сентября

– А ты, девочка, из какой школы? – спросивший явно не походил на пристава. Решив, что он кого-то ищет, я честно ответила, из какой.

Он вздохнул:

– И, конечно, ты учишься в седьмом-восьмом-девятом?

– В седьмом.

– Ну, тогда пойдем, – неожиданно голос его перестал казаться добрым.

– Куда???

– Операция «Подросток». Ты сбежала с уроков. И даже ничего не говори: все седьмые классы из вашей школы еще учатся. Не рано тебе школа надоела – сегодня второе сентября только!

– Мне... не надоела.

– Ага. Скажи еще, что школу обожаешь, но у тебя нача-

лось сильнейшее компьютерное голодание плюс аллергия на учебники и, чтобы спасти свою жизнь... Короче, иди в «газель»!

«Газель» оказалась набита школьниками разного возраста. Девочек, кроме меня, не было. Я села и натянула юбку на дрожащие почему-то коленки.

Микроавтобус тронулся, и пацан рядом вдруг протянул каким-то гнусавым тонким голосочком:

– А че, прикольно. Кому сегодня за проезд платить?

– А вот ты бы, Сана, уж лучше бы ты помолчала, – уставло посоветовал сопровождавший нас мужчина, оказавшийся «школьным полицейским».

– Молчи-молчи и получи. стакан мочи. Уж лучше бы мы здесь молчали все, – проворчал мой сосед, оставляя последнее слово за собой. А я стала его разглядывать и все не верила, что это дерзкое существо с синими прожилками вен по обеим сторонам бритого черепа может быть девочкой.

***

Ближе к ночи, еле уговорив принципиальную Динкину маму позвать дочь к телефону, я через силу пересказывала подружке дневные события. С удовольствием бы сейчас рухнула спать, но мне была необходима помощь. Хотя бы совет!!! Родители не в счет – даже окажись они рядом. Про бабушку вообще молчу – с ее-то давлением и «совестью без паразитов», как она любит повторять...

– Я бы тебе одолжила, – оправдывалась Динка, – вот были б – честно! Но у меня нет. Ты же знаешь, как мои к этому относятся.

Могла бы и не говорить. Динкины родители, обжегшись на том, что её брат без спроса таскал из родительского кошелька, решили младшую к деньгам не приучать. «Не приучать» в их понимании значило не давать их вообще.

Бедный мой Диныч! Она не в состоянии стащить даже бесплатную газету с рекламой из соседского почтового ящика! И уже который год переживает, что самые близкие люди – мама с папой – считают ее потенциальной воровкой. Помню, как мы с ней мечтали открыть приют для бездомных котят. Подсчитали, сколько это может стоить. И ее, и мои родители чуть ли не хором сказали, что все это чушь и блажь. И денег, конечно, не дали. Тогда мы решили, что нам обязательно повезет в лотерею. Динка придумала так: мы стопроцентно

выиграем, если купим лотерейки с тех денег, что найдем на улице. Ведь на улице часто валяются мелкие монетки, и люди их ленятся подбирать. Почти год мы наполняли копилку найденной мелочью. В итоге вышло 376 тенге «однушками», «двушками», «пятакими» и даже «двадцатками». Кроме того, в копилке лежал динозавр – 10 копеек советской эпохи. Его мы тоже нашли на улице, чем очень гордились.

Деньги, подаренные городом, казались чудом. И вот наконец мы торжественно собрались за билетами! Тетушка в кассе, увидев нашу мелочь, сначала разоралась. Но, когда мы ей рассказали, откуда у нас столько монет, притихла, подобрела и даже обменяла наш «золотой песок» на свои деньги. Сказав, что монетки унесёт домой – «на счастье». И дала нам «самые выигрышные билеты»! Как мы ждали прямого эфира игры! Как... ревели после, не выиграв ничего.

А приют для котят как-то забылся. Динка себе взяла двух котиков – сейчас это огромные сытые бандюги. Я тоже котёночка приютила. Но мой Хиврик, не выдержав разногласий с Масяней, сбежал.

Да, как давно это было, еще в детстве. А теперь деньги действительно нужны. Выделенные родителями я истратила неделю назад, готовясь к школе. А отдать надо целых 12 тысяч! Крайний срок – пятница. Это уже послезавтра.

Для кого-то 12 тысяч тенге, может, и ерунда. Хвалились же в лагере девочки, что только в «Меге» по пять тысяч за один раз тратят. Для меня же это много. Но, если я не достану деньги, будет КОШМАР.

Я так устала, но уснуть почему-то не могу... Даже в постели мерзну. Мамочка моя, как мне тебя не хватает! Ты такая мягкая и теплая, такая нежная, и рядом с тобой мне ничего не страшно! И позвонить тебе нельзя, пока не выпутаюсь. Ты ведь по голосу поймёшь, что всё плохо, очень.

Постучалась к бабушке. Та разговаривала по телефону и махнула на меня рукой:

– Не мешай, больнушечка! Босиком не ходи!

– Да, бабушка! Конечно, бабушка!

ЗОМБИ-КОНТАКТ.

И я вернулась на свой диванчик.

Ой, я же совсем забыла рассказать, зачем мне понадобились эти 12 тысяч!

Если честно, и говорить противно.

В общем, дело было так...

Пока мы ехали в «газели», вертлявая лысая Сана, которую, по ее словам, забирали уже раз сто, рассказала, что меня ждет. Из полиции позвонят в школу, потом – на работу маме и папе. Только не им лично, а их начальнику. Затем родители заплатят крупный штраф, а меня поставят на учет в отделе по делам несовершеннолетних. В школе созовут общее собрание, где опозорят по полной программе.

– Но! – Сана подняла вверх худющий и невероятно длинный указательный палец с синеватым ногтем. – Есть выход. Из ментовки могут отпустить прямо сейчас, если нам повезет и дежурить будет Нурик.

– Как могут отпустить? Пожалеют, что ли, потому что...

– Потому что ты заплатишь. Деньги есть с собой?

Я побренчала в кармане мелочью.

– Мобилу покажи!

Я показала.

– Можно в залог мобильник дать. Только не думай, что сбежишь, оставив старье ментам на сувениры. В полиции координаты кого хочешь пробьют. А знаешь, какой он злой, Нурик, когда его кидают! Но я с ним договорюсь насчет тебя...

Мне повезло, потому что дежурил, действительно, Нурик. Когда после Саны, так и не вышедшей из кабинета, зашла я, кроме полицейского там почему-то никого не было. Мужчина с удивительно бесстрастным лицом, не ответив на приветствие, молча написал «12 000», повертел бумажку перед моим носом и тут же убрал. Я кивнула. Он протянул руку. Я выложила на стол свой мобильный.

Полицейский подошел к большому шкафу, распахнул его дверцы и... Там оказался коридор!

– Не позже пятницы, через этот вход, – единственные слова, которые я от него услышала. В конце коридора ярко светило солнце. И это было солнце моей свободы!!!

Вот только надолго ли эта свобода?

***

Утром поездка до школы превратилась в громадный пыльный шлейф, тянущийся, казалось, за автобусом. «Шлейф» этот содержал всего одну фразу: ГДЕ МНЕ ВЗЯТЬ 12 ТЫСЯЧ?!!

В классе на меня не обратили особого внимания. По сравнению с тем, что случилось вчера после школы, позор у доски казался небольшим недоразумением. Я осторожно поискала глазами Арсена – его не было. Фарида, по дороге удачно метнув в Булатика учебником, подошла ко мне поболтать. Удивительно, но в школе-то ни одна живая душа не спросила, куда я вчера делась после второго урока. А у меня из-за этого теперь проблемы с полицией! Я решила занять денег у Фариды, а зачем, не уточнять. Пообещаю вернуть через несколько дней. А за это время придет тетя Роза, уж она-то любимой племяннице не откажет. Татешка * моя работает в столовой при больнице, а на досуге увлекается психологией.

Отвела Фариду в уголок потише, где никого, кроме девочки-зубрилки с тугой косой, не было, и попросила. Просила я, наверное, неубедительно, но в конце, как мне показалось, очень жалобно добавила:

– Мне ОЧЕНЬ надо, понимаешь? И я не могу сказать, за-

чем.

Фарида понимающе поморгала круглыми глазками, потом округлила их еще больше:

– Извини, конечно. А ты не наркоманка?

– То есть как... Да ты что!!! Нет, нет, нет, ты что!

Отпрянув от одноклассницы, я быстро прошла на свое место. «Зубрилка» перекинула косу через другое плечо и покрутила пальцем у виска. Это она мне или дура-Фариде?

ГДЕ МНЕ ВЗЯТЬ 12 ТЫСЯЧ?

Вот откуда подростки берут деньги, если не у родителей? Те, кому уже есть четырнадцать, листовки раздают, на промо-акциях подрабатывают, газеты носят. Но пока на работу меня не возьмут, да и деньги нужны уже завтра. Вот Динкин братец работать не собирался, таская деньги у родителей. А у меня и родителей рядом нет. Только бабушка. Бабушка. БАБУШКА! То есть – я же знаю, куда она складывает свою пенсию!

Это, конечно, ужасно. Но это единственное, что мне оста-

ется. И потом – я ей все верну. А сейчас необходимо выиграть время.

* Татешка, от казахского «тате» – тетушка.

***

День тянется бесконечно долго. Я в депрессии и ничего не могу поделать. Все ужасно. А теперь вот предстоит ограбить родную бабушку.

Я решила взять деньги вечером, чтобы она точно ничего не успела заметить.

Бабушка хранила пенсию в коробочке-тайнике, сделанной из книги «Сборник рецептур блюд». Снаружи это была вроде книга, но, если ее раскрыть, страницы в середине вырезаны, а их остатки склеены между собой так, что получились боковые стенки коробочки.

– И ни один поганец сюда не полезет, – хвасталась бабушка. – Они книг как чумы боятся, ворюги эти. Потому что в книгах – свет истины!

Я спросила, почему бабушка выбрала именно эту бедную книжку. Бабушка, уже спрыгнувшая с пафосного тона, ответила попросту:

– Да не нужен мне потому что сборник этот. Тут рецепты знаешь какие: возьми три ведра воды, полкило соли да полмешка картошки, веслом перемешай... Для столовок книжка, как по ней готовить?

Мы тогда еще смеялись и придумывали дурацкие рецепты по этому сборнику.

Все-таки у меня суперская бабушка. Ни у кого такой нет!

На всякий случай я выбирала купюры, лежавшие снизу, чтобы было незаметно. Две пятитысячные красные бумажки и две по тысяче. Самые обычные деньги. «Спасибо тебе, бабуля! Я все отдам. И витаминки буду съесть по-честному, а не выкидывать втихую, как раньше.»

Бабушка вернулась поздно, задержавшись на очередном собрании клуба здоровья. Всякий раз она приходит оттуда немного не в себе. Вот и сейчас, даже не спросив, как у меня дела, стала с пылом разоблачать подлые приемы официальной медицины, выгружая из пакета банки с биодобавками.

Ну, не спросила, и не спросила. Возьмись она пытаться: «Как, Мируша, тебе новая школа?», – что отвечать-то ей, если честно? «Школа, бабуля, у нас ничего так себе. А ты б видела, в какое крутое я вчера попала отделение полиции!» И хорошо, что не спрашивает. И хорошо, что никогда не звонит мне на сотку. Вы, может, не поверите, но моей бабушке внушили в клубе, что сотки – это зло. Честно!

У себя в комнате бабушка долго возилась, ходила, а я с замиранием сердца ждала, что вот-вот раздастся противное визжание выдвигаемого комодного ящика, где лежит «Сборник рецептур», а потом... Даже дышать перестала, прижав к себе Масыню.

Визг ящика, действительно, раздался! Тут же Масыня начала выдираться из моих рук – так сильно я ее, оказывается, сжала. Однако ничего ТАКОГО УЖ дальше не произошло. Бабушка включила телевизор и мирно стала слушать какую-то очередную лекцию, которую им раздают в клубе.

Уф-ф-ф!

Ужасный день, ненавижу тебя, уходи скорее, тупое третье сентября!

Глава 5. Четвертое сентября

Проснулась я очень рано и собралась свалить потихонечку. Однако Масыня учуяла это дело и решила лишний раз проветриться. Пришлось вывести собаку на улицу.

Утро совсем летнее. Розы всюду цветут, воздух свежий-свежий. Погулять бы так часика два, оказаться в горах! И растает все это, как дым – школа, полиция... Ох, хотя школа не надо, чтобы как дым – там же Арсен со своей новогодней улыбкой! А что, из нас может получиться неплохая парочка. Пока в меня влюблялись только какие-то ботаны. А чтобы и мне нравился... Весной один парень, Дэн, (вроде ничего по фотке) предложил через Интернет дружбу, позвал в кино. Я так старалась – родителей уговаривала, чтобы пустили! Целую неделю уговаривала. Наконец они согласились, только мама сказала, что будет неподалеку, и станет следить, чтобы со мной ничего не случилось. Я пошла даже на это! Кофточку новую у папы выпросила. И что же?! Этот Дэн взял под конец и... отказался. Его, видите ли, не отпускают, потому что доклад надо писать на выходные.

Так мы с Дэном и не встретились. Хотя переписываемся, потому что решили остаться друзьями. Ему уже 15. А ту кофточку я ношу, хорошая.

Из-за этих денег даже не успела Дине про Арсена рассказать! Поскорее бы все уладить с полицией!

Закинув присмирившую собачью зануду обратно к бабушке, помчалась к знакомому отделению полиции.

– Здравствуйте, я Вам деньги принесла! – этими словами я встретила Нурика на входе. Казалось, он не замечает меня и не слышит.

– Извините, это же я! Помните, я была с Саной?

Тут лицо полицейского стало таким страшным, что я отскочила. На мгновение поймав мой застывший от ужаса взгляд, он усмехнулся и кивнул в сторону двери, откуда я выходила прошлый раз. Выждав, пошла к черному входу. Нурик уже стоял в том самом коридоре. Я отдала деньги.

Взял, даже не пересчитав! Сунул мне мою сотку. На ней скотчем была прилеплена бумажка с чьим-то номером и стояла подпись – О'к Сана.

– Ты ей позвони, – сказал, даже как-то, не знаю, попросил он, что ли.

Я очень удивилась:

– А Сана вам кто?

Он не ответил, развернулся и ушел обратно в свой темный коридор. Как говорится, ни тебе «спасибо», ни «до свиданья».

– Рахмет! – будто под гипнозом, крикнула я ему зачем-то вдогонку.

До школы оставалась масса времени. Я готова была петь от радости, танцевать – будто прошел последний день учебы, и вот начинаются каникулы. Вот бы сделать сейчас «колесо»! Жалко, не умею. Тогда я просто покружилась, не смотря на прохожих. Как хорошо!

Все, сегодня буду самая счастливая. И «колесо» обязательно научусь делать. Сто лет собираюсь записаться на какой-нибудь спорт, где не надо соревноваться – вот пойду и запишусь! Но тут меня словно ножом полоснуло...

Я вспомнила, что полицейский просил меня позвонить Сане. Зачем ему о ней заботиться, если он – из тех, которые ловят таких, как она? А что, если они работают в паре?! Са-

на – подсадная утка, выбирает кого понаивнее и давай истории рассказывать, какой Нурик то да се... А он потом с ней, может, еще и поживой делится!

Меня начала душить бессильная ярость. На Сану, Нурика. Я в бешенстве отцарапала Санину бумажку от своего мобильного, порвала ее в мелкие клочья и бросила в арык. Потом мне стало так противно, что не поленилась, достала влажные салфетки и вытерла мобильник и руки, прикасавшиеся к этой бумажке. Символически разделавшись с Саной, теперь я стала злиться на себя. Может, и вправду я дура? Вся картина моего позора нарисовалась вдруг так явно: вот Сана травит байки в «газели», а я сижу, с позорно дрожащими коленками, развесив уши, вот Нурик берет мой сотовый, а в коридоре за книжным шкафом, поди, хихикает надо мной эта мерзкая Сана. А вот я лезу за бабушкиной пенсией... Ой, какая же я дура-а!!!

«Стоп!» – сказала я себе. Но ведь то, что они заодно, еще не доказано. Может, зря я злюсь? И почему тогда он попросил ей позвонить? Узнать бы, кстати, у самой Саны... Только теперь это невозможно. Ну не караулить же ее, в самом деле, возле полиции? Или попробовать? Только одна я точно этого сделать не смогу.

Вдруг мне безумно захотелось крепкого, сладкого и горячего чаю с молоком. Ну и печеньеца под это дело бы... Утром-то не до завтрака было.

Круглосуточная столовка с утра оказалась почти пустой. Желто-оранжевый кафель на стенах празднично сиял, цветы с подоконников кивали, как живые. Я сгрузила с подноса чай и коржик, села и... увидела, как в столовку заходит Арсен.

***

– Тащусь от китайской лапши. Даже сухую ем – только никому не рассказывай!

Арсен говорил, а я рисовала в воздухе, комментируя его слова, кудрявую лапшу и воображаемый смайлик.

Мы болтали уж и не знаю, сколько времени. И было так хорошо, что, казалось, можно просидеть так целую вечность.

– Слушай, опоздаем же, – спохватился Арсен, глянув время на сотке. – Мне еще с тренировки переодеться надо.

– Да, конечно! О, кстати, ты только покажи ту фотку, ну, когда Булатик ко мне...

В общем, он так и не успел переодеться, а мы все равно пришли после звонка. Наши с Арсеном фамилии дежурившие пятиклашки гордо внесли в список «Позор опоздавшим!», но это было даже приятно. В класс тоже завалились вдвоем. Все хором сказали «О-о-о!!!», и это прозвучало так мило! Я спокойно села на привычное место. Жизнь, безусловно, стала налаживаться!

На перемене девочки познакомили меня со Светкой, отдыхавшей с родителями в Турции, а потому пришедшей в школу только сегодня. Внешне она напоминала героинь анимэ – большеглазая красотка с маленьким капризным ртом. Злая или добрая – не поймешь. Зато одета, как для фотосессии, а волосы... они были удивительно подстрижены, мало того, кое-где в копне светлых прядей вились тонкие локоны голубого цвета.

– И мама тебе разрешила, или дома орали? – Сандугашка с Мархабо круги писали вокруг Светки, пожирая взглядами такую красоту неземную на ее голове.

– Мама? – фыркнула Светка. – Еще бы она мне что-то разрешала или запрещала. Это меня папа записал к стилисту в Анталье. Мы с ним двести баксов отдали!

Я все еще думала, с чего можно начать разговор с этой Светкой, и надо ли, как она поманила пальчиком Арсена:

– Говорят, ты тут романы крутишь налево и направо? Поздравляю... Как говорится: стоит только отвернуться...

– Светка, детка, скажи, что ревнуешь! – Арсен явно кокетничал.

– Да было б к чему... – тут Светка обернулась и выразительно прошлась по мне глазами. Причем ухитрилась сделать это так, что лицо будто и не задела, а вот туфли окинула очень презрительным взглядом.

– Ну все, хватит, Света. Угомонись. Не Турция – расслабься. – Арсен сказал это так властно, что Светка почему-то послушалась и, нараспев произнеся «Уговорил, живите пока...», отвернулась.

Вот как он умеет! Что ж, такого парня и послушаться приятно. А «анимэшка»-то противная, не зря Фарида предупредила. А, может, Светка – девушка Арсена?

Глава 6. Бабушка и директор

Моя сотка замяукала посреди урока. Душераздирающее «Мяу, мяу!» неслось по всему классу. Этот рингтон я выбрала сама: «мяу» звучит забавно. Но сейчас мне так не кажется. Кошачий концерт сводит с ума. А телефон завалился в сумке на самое дно. Если учесть, что у нас идет история... «Робот-завоеватель» молча указывает рукой на дверь. С соткой выскакиваю в коридор. Это-то ладно. А вот то, что звонит мне не кто иной, как БАБУШКА...

– Да, бабуля!

– Зачем ты это сделала?

– Извини, извини, пожалуйста, мне было очень надо!

– Так значит, это действительно ты?

– Я.

– Зачем тебе деньги?

– Мне... меня поймала полиция.

– Что ты натворила!?

– Ничего. Я не пошла в школу.

– Не ври мне!

– Бабушка, я не вру.

– Я ведь позвоню, проверю...

– Бабушка, не звони, пожалуйста! Туда нельзя звонить, ни в коем случае. Я...

– Воруешь, врешь... Будто сглазили тебя. А ты знала, что это не мои деньги? Как мне их отдавать, что я твоим родителям скажу?

– Бабуля, пожалуйста, я объясню!

– Раз не хочешь говорить, зачем тебе деньги, будем разбираться в школе...

– Бабуля, не надо!

– По-хорошему не понимаешь – может, поймешь по-другому. Что, так трудно признаться? Что же ты натворила? Или связалась с кем?

– Я же сказала!

– Не лги мне, Мира!

И вместо гневного бабушкиного голоса в трубке раздались гудки.

Занятия шли своим чередом, пока не включилось школьное радио. Директор объявила, что после уроков учителей ждет экстренное собрание.

Вот никак не могу привыкнуть, что здесь директор выступает по радио.

Впервые я услышала этот спокойный властный голос еще первого сентября. Интересно, а как может выглядеть женщина с таким голосом? На линейке я её так и не разглядела. Наверное, похожа на актрису из старого советского фильма... Забыла, как же ее...

Неожиданно к нам заглянула классная:

– Доремира, срочно к директору!

Елки, доразмышлялась! Неужели позвонили из полиции? Или это все-таки бабушка? Прихватив сумку, я побрела к двери. Арсен обеспокоено проводил меня глазами.

– Да оставь ты сумку свою, – скомандовала классная. – Надеюсь, быстро разберемся, что к чему там.

Как я поняла, классная знала меньше меня. Но, когда мы подходили к приемной, коленки опять неконтролируемо задрожали: из-за двери лился возмущенный голос моей ненаглядной, «суперской» бабушки!

– Никогда раньше она такого не творила! Я одна, я за нее отвечаю! Это чье-то дурное влияние! Деньги-то ладно б мои были, а то клиентка за лекарство передала. Стыд-то какой! Как людям в глаза глядеть? А что я ее родителям скажу?! Разберитесь! Требую, умоляю! Это она стала в вашу школу ходить, и сразу...

– Хорошо. Мы Вас выслушали, а теперь давайте послушаем Миру, – тот самый завораживающий голос принадлежал, как оказалось, милой, но ничем не примечательной женщине. Вернее, она была бы непримечательна, если б не взгляд. Я не могла его выдержать и все время опускала глаза. На растрепанную бабушку и вовсе было больно смотреть.

Слезы комом стояли в горле. Все силы я бросила на то, чтоб не заплакать. Куда там! Разревелась посреди приемной. Да так, что не могла остановиться, и от этого было еще стыд-

нее. Я плакала, захлебывалась, будто наружу выходил весь страх, пережитый в эти дни. Когда директор притянула меня к себе и стала гладить по голове, успокаивая, я вообще как с ума сошла. Потом меня поили водой. Воды в графине не хватило и как сквозь туман я слышала, как просили у секретарши минералку. Все это время бабушка скорбно молчала, а со мной возились – я даже не знаю – кто. Одним словом – какие-то добрые тетеньки. Наконец, проревевшись, я смогла говорить. Директор, улыбаясь, пыталась высушить салфетками мокрое пятно на своей груди.

Слезы ушли, пришло безразличие. «Что воля, что неволя...» Я рассказала все. Вернее, почти все. Как мне было плохо, страшно и как я не хотела тревожить бабушку, потому что надеялась, что деньги быстро верну. Конечно, педагоги сразу в меня вцепились, спрашивая, кому именно я дала взятку. Но этого я решила не говорить. Сказала только, что они там все в полиции на одно лицо, да еще в одинаковой форме. И про Сану не упомянула. Все-таки лучше самой разобраться в этой мутной истории. А может, Арсена попросу. Вон какой он сильный и решительный!

Раздумывая о чем-то своем, директриса нехотя отпустила меня. Напоследок сказала, что проблем было б меньше, не кипись я со своей взяткой. Бабушка по-прежнему сидела молча, сложив руки на коленях и глядя прямо перед собой.

Я кинулась к ней.

– Бабушка, пожалуйста, прости меня! Я все верну!

Но бабушка молчала.

Плакать не было сил. Я прислонилась к двери и тихо спросила:

– Ты не простишь меня? Тогда можно я на выходные побуду у татешки, она уже приехала...

– Валяй! – вот и все, что я услышала.

За дверью я еще немного подождала бабушку, но она не выходила. Тут вынырнула классная, отвела меня умыться, и так же под конвоем сопровождала в класс. Урок все еще шел. В дверях классная обернулась и назидательно погрозила пальцем:

– Вот видишь, Мира, как плохо прогуливать и брать чужое без спроса! Поняла?! Поняли? – это она обратилась уже к моим одноклассникам, которые, ясный перец, ничего не поняли. Но, поскольку ответ ей не требовался, она его и не дождалась – вышла.

Все головы разом повернулись ко мне. И напрасно взывала к дисциплине учительница. К тому же ее крики заглушил звонок на перемену.

Глава 7. Кошмар продолжается

Меня окружили одноклассники, спрашивая, что это было. Пережитое не давало толком говорить. Махнула рукой, хлопнула носом и закрыла глаза. Тут бы все и отстали, если бы не Фарида. И когда только она успела все выведать у классной? Я слушала её рассказ безразлично, будто и не про меня. Зато остальные, кажется, и дышали через раз – будто им детектив пересказывали! Потом принялись сочувствовать. Так, будто соревновались, у кого душевнее получится. Даже противная Светка сказала в мою защиту что-то хорошее. Двое похожих друг на друга мальчишек, пока не помню, как зовут, сказали, что всех школьных полицейских «на районе» знают в лицо, поэтому не попадаются. Фарида извинилась, что приняла меня за наркоманку:

– Я иногда говорю что-то, говорю, – остановиться не могу. А что говорю... Никто и не обижается. А ты ж не знала...

– Буду знать, – я нашла в себе силы улыбнуться.

И тут произошло та-а-кое! Вдруг Арсен ПРИ ВСЕХ(!) сказал, что, если я влипаю во всякие истории, то за мной надо присматривать. И с этого дня он собирается меня провожать – на всякий случай! Кое-кто из девочек захихикал. А я постаралась скрыть волнение, чтобы по моему лицу никто не прочел, что идея мне очень понравилась. Арсен будет меня провожать – вот это да!

Краешком глаза посмотрела, как реагирует на эту новость Светка. Но ей, похоже, фиолетово. Набивает увлеченно кому-то эсэмэску. Все-таки непонятно: может, Света – и не бывшая девушка Арсена, вообще не его девушка, а сама по себе? Да ну ее – лучше потом у самого Арсена и узнаю. А как мне с ним себя вести? Это что, если он меня будет провожать, значит, теперь он мой парень? Или можно по-дружески провожать? Ладно, разберусь, главное – опять не начать волноваться. Но вообще-то мне с ним спокойно, Арсен такой уверенный. А! Знаю, о чем его попрошу! Раз уж взялся меня охранять, значит, поможет разоблачить Сану. Вот и дело общее будет. Он же не откажется, не струсит – что ему какой-то лысой Саны бояться?

Я уже успокоилась, хотя по-прежнему было жгуче стыдно. Занятия шли своим порядком, мои мысли и чувства – своим. Что будет после школы? Признаюсь, я уже много чего навоображала. Не так все и плохо. А сколько всего впереди!

Уроки почти закончились – кто физру за урок-то считает? В спортзал никто не торопился. Мы сидели в раздевалке – унылом холодном месте. Я представила, как можно будет попозже подбить одноклассниц нарисовать здесь огромные цветы. Наверное, директриса не станет ругаться, если получится клёво.

В это время глупые пятиклассники пытались втолкнуть к нам какого-то пацана, который верещал, как резаный: «В бабскую раздевалку – ни за что!!!» Девчонкам надоело, и они приперли дверь скамейкой. Тут к нам опять стали ломиться.

– Ну сколько можно! – Фарида схватила свернутый в трубку ватман, резко пнула скамейку и ... долбанула по башке влетевшего к нам Булатика.

Вот везёт же парнишке! Даже когда Фарида не хочет его задеть, все равно он получает! Наверное, издевался над ней в прошлой жизни. Карма, не иначе...

– Вы чего? Блин! Я же по делу! Никто арсовскую сотку не видел? Мобила пропала!

Девочки пожали плечами. Светка протянула свое: «Поздравляю...» Потом заинтересовалась:

– А вы ему звонили? Может, завалялась в сумке где...

– Эврика! – Булатик, вместо того, чтобы хлопнуть по лбу себя, успел попасть по Фариде.

Ну почему это пришло в голову Светке, а не мне? Хотя... Пока я и номера Арсена не знаю.

Между тем практичная Света, с большим чувством собственного превосходства звонила Арсену. Я представила, как он сейчас обрадуется, услышав знакомую трель откуда-нибудь со дна своей сумки. Или из потайного кармана. Все-таки не хотелось верить, что его красивый телефон кто-то украл. Вот сейчас все найдется, он придет благодарить Свету, а я буду стоять, как левая... Интересно, у него для светкиных звонков есть особая мелодия? Хоть бы не было!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.